
Рецензия
на рукопись монографии А.Шевцова
ОЧЕРК РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ ВОЛИ

Воля постоянно присутствует в существовании и мысли — это антропологическая константа. Из этого, однако, вовсе не следует, что воля уловлена в слове и определена. За этим стоит понимание того, что воля именно не обусловлена, не поймана словом. Тем более важно приблизиться к пониманию. Свидетельствовать же можно, только внимательно пребывая в истории мысли, постоянно имея перед глазами современную жизнь.

Автор приводит слова специалистов-психологов с неутешительным выводом: «Среди исследователей нет единства в определении воли и связанных с нею понятий волевого действия, волевой регуляции, волевого усилия, отсутствует единство в выделении реальности, которая обозначается термином воля».

Но обладает ли воля особым бытием и категориальным статусом?

Есть только один способ разобраться в вопросе: нужно дать осесть понятию. Вслед словам Августина о том, что тяжесть стремится тело к своему месту — именно смысловая наполненность и рост смысла, включая забвение, дают возможность понять природу, статус и смысл воли.

Обладает ли воля действительным существованием?

Существует ли автономное бытие воли, онтологический статус как антропологическая константа существования?

Необходимо внимательное вглядывание и вслушивание — *вдумывание* — в становление понятия. Тем самым конституируется смысл исследуемого феномена — не только как проявления чего-то другого, но себя в себе показывающей данности существования и сознания. Навык воли — это выстраивание

поведения, когда воля способна задавать порядок действия уму. Воля склоняет к хотению и отвращению — способность овладеть желаниями и страстями. Автор исследует пространство воли — показывает путешествие воли в пространстве рефлексии. Важна саморегуляция человеческого поведения.

Воля способна совершаться добру.

Но воля способствует формированию многих состояний — радости, любви, ненависти, спокойствия духа, стыда, надежды. Воля, можно сказать, присутствует повсеместно — в свете современного поворота к топологическому мышлению, это говорит об актуальной уместности взгляда.

Исторический очерк предстает как путешествие воли.

Автор открывает кладовые отечественной мысли, выстраивая архитеконику мысли о воле. Показано, как становится мысль о воле, что есть одновременно и действие авторской воли. Борьба за волю и силу воли на деле оказывается борьбой за разумность жизни против животных желаний тел.

Воля действует как разумное построение существования.

В какой степени и мере обращение к философской антропологии воли актуально для сегодняшней во многом фрагментарной картине постсовременности?

Джорджо Агамбен — один из участников диалога идей в книге А.Шевцова, стремясь понять, что значит *повелевать*, радикально разводит представления о человеке именно на основании понимания воли. Если античный человек — это существо мощи, существо, которое *может*, то человек эпохи модерна — это существо, которое *хочет* (волит). Напомню слова В. В. Розанова о том, что современного человека более всего характеризует *немошь*. Именно переход от сферы мощи к сфере воли, согласно Агамбену, знаменует собой порог между античным миром и миром эпохи модерна. В книге А. А. Шевцова дана полемика со словами Агамбена в плане критики отождествлений желания и воли. Poleмика ведется и с другими исследователями воли в истории мысли, но ведь спорить можно только о том, что сохраняет значимость во всей человеческой истории.

Тут необходимо уточнение: главное быть не столько современным, сколько своевременным. Чтобы своей волей оказываться в ответственно обустроенных топосах существования.

«Живой труп» — может быть, самое непринужденное, естественное и органичное создание «позднего» Толстого. Обаяние пьесы — в личности главного героя. И хотя он уже десять лет живет «беспутной» жизнью: бросил службу, проматывает состояние семьи, бражничает, «пропадает» у цыган, заслушиваясь их песнями, но он говорит о жизни — «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...». Существует вольное душевное убежище — отказ от жизни *по инерции*, к которой человек приговорен происхождением, воспитанием, образованием. Вольная жизнь «открывает небо» над головой («Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут еще милые черные глаза и улыбка...»).

Воля — предельное выражение желания. При всем множестве определений в нем сходится усилие осуществления цели и сознательное регулирование поведения. Но достаточно ли этого?

Где именно востребованность и разворачивание воли?

Актуальность обращения к антропологии воли в пространстве современной жизни связана как раз с тем, что сегодня предельно представлена *голая жизнь*, словно бы вовсе лишенная устойчивости и ориентиров. В ней как будто только и действуют волевые усилия, связанные с необходимостью не столько встряхнуть себя в окружающую жизнь, сколько реализовать личный замысел. Во многих ситуациях проявляется то, что может быть названо *исключительной нормой*, когда устоявшаяся нормология поведения и существования будто бы вовсе смещена или даже отменена.

Что остается в такой ситуации предельной незащищенности? — реализовать собственную волю, для утверждения самости.

Автор книги «Очерк русской антропологии воли» показывает подходы к определению воли. Что может быть извлечено

из имеющихся определений воли, воспринято и утверждено человеком в ситуации *заброшенности в волю*? Это способность работы с воображаемым, виртуальным на основе того, что воля дает возможность как бы удвоенного сознания, где сходится осмысление и потенциальное действие — конструирование собственного поведения. Даже инстинкт задействован: это словно бы бессознательный аналог волевого действия. Может быть, здесь уместно поставить вопрос и о бессознательном, когда в отношении к нему определяется выбор. Но воля существует и сама по себе как описание бытийности, которая не сводится конкретному выбору и навсегда остается непокоренной.

Нужно разобраться с тем, что говорят и думают о воле.

Книга Александра Александровича Шевцова — приглашение к разговору, призыв к пониманию. Начинает автор с общеизвестного — с определений в учебнике. Но уже тут, как убедительно показывает автор, есть сложности для понимания. Дьявол, по словам Мераба Мамардашвили, играет нами, когда мы не мыслим точно.

Но можно ли точно помыслить то, что уже в самом своем определении выходит за пределы?

Речь идет об экзистенциальном смысле воли.

И более того, в понимании воли в русской философской антропологии есть ли неповторимый извод смысла и возможного действия? Ведь известно, что воля — это больше, чем свобода. Автор исследования отечественной философской антропологии воли с самого начала разговора приглашает к участию каждого — у всех есть представление о воле и волевом выборе. В этом одна из исходных задач исследования — понять антропологические константы воли в том качестве и осмыслении, которые могут быть обращены к неповторимой личности.

Профессор А. Грякалов

Введение

Интернет побеждает в битве за умы своей простотой и доступностью. Если человек хочет разобраться с каким-то сложным явлением, он идет в библиотеку. Если же ему не надо разбираться, он открывает Википедию и берет свое мнение оттуда.

Википедия дает такое определение: *Во́ля — способность человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением.*

Когда-то воля обозначала нечто весьма значимое для человека, но с переходом в мир нейрофизиологии она окончательно превратилась лишь в психическую функцию. Как пишет далее автор статьи о воле в Википедии: *«В самом общем смысле воля рассматривается в психологии как способность человека к сознательной саморегуляции. Воля необходима как для совершения действия, так или для отказа от него. Основным элементом воли — это акт осознанного принятия решения».*

Другое правящее определение, которое можно найти на первых страницах Сети, утверждает, что *воля — это способность человека действовать в направлении сознательной избранной цели.*

Это определение настолько чеканно, что даже почти не оставляет возможности задаться мучительным вопросом: а кто в человеке принимает эти «осознанные» решения? И если мы будем верными сторонниками нейро-науки, то ответ возможен только один: мозг! А были времена, когда решения принимал либо Я, либо моя душа...

Но это были времена, когда воля была предметом философии. В те времена она считалась одной из трех главных сил или способностей души. Сейчас большинство психологов даже не подозревает об этом, а большинство философов знают о воле лишь то, что Шопенгауэр и Ницше говорили о ней. Но и для них

оказывается потрясением мысль, что ни один из этих философов, как и Платон с Аристотелем, ни разу не использовал слово «воля».

Никто из европейских философов не говорил по-русски, хуже того, никто из них не имел понятия, соответствующего нашей «воле» даже в научном ее понимании. Не говорю уж о понимании живого русского языка. В европейских языках нет слова «воля», и потому европейцы, начиная с древних греков, для передачи значения, близкого к воле, пользуются разными оттенками желания.

Почему-то этот предмет был утрачен философией, но так и не воспринят психологией. Могу допустить лишь то, что рефлекторный автомат, которым, по сути, является человеческий мозг нейронауки, ни Я, ни души не приемлет... Что для живого человека в радость, то для нейронауки смерть!

В этой книге я постарался кратко показать, как философия воли жила и развивалась в России. Моей целью было вывести рабочее понятие воли для прикладных исследований по развитию способностей.

Часть первая.

**СОВРЕМЕННАЯ
НАУЧНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ ВОЛИ**

Современная наша психология воли слишком обильна, чтобы можно было рассчитывать создать ее полноценный очерк. Да это и не входит в мою задачу.

Меня более всего интересует пока сам предмет этой психологии, то есть «воля» или что под ней понимают. Поэтому я ограничусь минимально достаточным количеством работ, позволяющим вывести то определение воли, которое используется Википедией как правящее.

Хочу сразу оговорить, что опираюсь в данном случае только на русские работы, потому что исходно сомневаюсь, что авторы, пишущие на других языках, действительно говорят о тех же понятиях, что и русскоязычные ученые. Мы понимаем иностранцев не потому, что у них есть имя для воли в их языке, а потому, что мы приписали свои значения некоторым иностранным словам.

В частности, мы не понимаем иностранца по точному совпадению описываемого им предмета с тем, что мы считаем волей. Мы его понимаем с помощью словарей: если кто-то когда-то приравнял, к примеру, will или wille к воле в каком-то словаре, то можно не сомневаться, что, говоря о will или wille, англо или германоязычный автор будет понят как пишущий именно о воле.

Сначала надо понять, что же понимаем под волей мы сами.

Глава 1. Итак, мы вступили в сферу американского влияния

Произошло это сразу после 91-го года, когда в Россию хлынул поток переводов с иностранных языков. Эти книги могли быть хороши, могли быть и пустышками, но они обладали одной бесспорной ценностью: их лучше покупали, поскольку они были новостью. Все свое уже давно имелось в библиотеках,

и все члены научного сообщества стремились оснастить себя мнениями зарубежных коллег.

Переводы осуществлялись, быть может, и не плохо с языковой точки зрения. Однако научный перевод должен быть, прежде всего, пониманием, а не лингвистическим соответствием. Однако именно выверкой понятий никто особо не занимался, часто даже наоборот: издатели стремились насаждать «новые взгляды», так сказать, «подсаживая» на них наших читателей.

Рынок! Чем большая зависимость, тем лучше покупают.

В самом начале впереди России всей было два человека, две основных фигуры, которые могли бы противостоять падению отечественной психологии, но избрали обратное: открыть двери своей крепости для просвещенного правления варягов в умах соотечественников. Это академики Дружинин и Зинченко. Естественно, с командами.

В начале 90-х у нас впервые появилось понятие государственного образовательного стандарта. А, начиная с середины девяностых, после появления стандарта на обучение бакалавров, под общим руководством академика Дружинина ведется разработка целой серии учебников психологии для разных специальностей. Это были, как тогда писали, «учебники нового поколения». И воля из них была выкинута! (Смотри, например: Психология. Учебник для экономических вузов).

Не было ни раздела «Воля», ни соответствующей статьи в прилагавшемся словаре психологических понятий, что означает, что была полностью изменена так называемая парадигма психологической науки. Воля была заменена мотивацией, и это вполне устраивало наше психологическое сообщество.

Почему парадигма отечественной психологии, где обязательным разделом всегда была психология воли, изменилась таким образом, стало ясно, когда в 2003 году под общей редакцией академика Зинченко было издано «Введение в психологию. Учебник для студентов университетов» Аткинсона Р.Л. и Аткинсона Р. С. и др.

Как писал о книге Зинченко:

«По своему охвату фундаментальной и прикладной проблематики психологии, глубине ее рассмотрения и стилю изложения мы имеем дело с университетским учебником психологии».

Однако этот фундаментальный по охвату труд начинался с нейронауки и не имел раздела, посвященного воле. Его оглавление, а оглавления учебников психологии всегда соответствуют правящей парадигме этой науки, в точности соответствовало принятому госстандарту России, лишь с той разницей, что первое издание этой книги в Америке было осуществлено за сорок лет до принятия нами этого стандарта...

Нацеленность новой русской психологии на американский подход отмечал в своем фундаментальном труде «Психология воли» и Евгений Петрович Ильин:

«Нельзя не отметить и того, что в работах одних исследователей (В. А. Иванников) наблюдается стремление вытеснить из волевой сферы психические явления, которые могут быть объяснены и без использования понятия «воля» (появляется даже тенденция по примеру западной психологии тему «Воля» в учебниках вообще не рассматривать)...» (Ильин, с. 9).

Сам Владимир Петрович Зинченко, однако, оставался человеком прежней школы психологии, и не мог так просто отказаться от воли. Поэтому, выпуская совместно с Б. Г. Мещеряковым в 2003 году «Большой психологический словарь», он сохранил статью о воле, лишь закрепив своим авторитетом связь нашего понятия «воля» с английскими понятиями, которые могли бы ему соответствовать. С тех пор его чеканное определение гуляет, как основное понимание воли, в русских умах и Сети.

«Воля (англ. Volition, will) — способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевающая при этом внутренние препятствия (т.е. свои непосредственные желания и стремления)».

С точки зрения понятийных оснований для точного рассуждения, в данном определении необходимо выделить три основные мысли.

Первое: деятелем является «человек».

Второе: наша воля — это то же самое, что английское will и volition.

И третье: воля — это то, что противостоит непосредственным желаниям. Очевидно, имеется в виду, что когда мне чего-то хочется, я могу от этого удержаться именно с помощью воли.

Далее словарь излагает «механизм» воли:

«В основе волевого поведения лежит сложный психологический механизм. Он включает в себя специфические и общие для любой целенаправленной деятельности компоненты. Общим является опосредованность поведения (в отличие от импульсивного, ситуативного) внутренним интеллектуальным планом, выполняющим функцию сознательной регуляции деятельности».

Признаюсь, я этого высказывания понять не в силах, и означает это для меня только одно: невнятность — цель его создателя. Иными словами, как только речь заходит о «психологических механизмах», психолог должен говорить настолько научно, чтобы читатель посчитал, что у него просто не хватает ума понимать. А что именно может так прятаться функционерами психологического сообщества?

На мой взгляд, в этом высказывании есть только одна имеющая смысл мысль — психологический механизм. Если вдуматься, то это оксюморон, высказывание, содержащее противоречие в себе самом. Душа — не машина, механизмов в ней нет, они в душе невозможны. Вот от этого и отводятся глаза творцами психофизиологии воли. Но именно такое понятие о человеке, как о машине или автомате, и насаждается психологией со времен Декарта в Европе и Сеченова у нас.

В основе волевого поведения лежит душевный механизм... Что-то душевное в основе воли лежать действительно может, но что — вопрос для тех, кто способен оторвать взгляд от машины и поглядеть на душу.

К настоящему времени понятие воли в психологии развивается именно в этом направлении и уже с очевидностью

теряет свое русское происхождение. В словаре «Психология» И. М. Кондакова даже само русское слово «воля» становится латинским по происхождению:

«Воля (от лат. voluntas — воля). Характеристика личности, представленная ее способностью достичь поставленных целей в условиях преодоления препятствий».

В этом случае мне остается лишь привести пословицу из Ювенала:

НОС VOLO, SIC JUBEО, SIT PRO RATIONE VOLUNTAS — я этого хочу, так я велю, пусть доводом будет моя воля (Ювенал).

Уже в римские времена латинское «хочу» легко превращается в волю, но не теряет исходное свое значение — желать. Да и латинско-русские словари (Шульц, 1912) отчетливо показывают, что исходным для voluntas является значение «желание, намерение».

Очень похоже, что желание, возведенное в закон, становится волей нашей психологии.

Однако прежде чем изучать, что сказала наша психология о развитии воли, я бы хотел понять, что понимают наши психологи под самой волей.

Глава 2. Воля новой русской психологии

Как я уже показывал в предыдущей главе, «Большой психологический словарь» под редакцией Зинченко и Мещерякова определяет волю как способность:

Воля (англ. Volition, will) — способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия (т.е. свои непосредственные желания и стремления).

Точнее, воля — это способность действовать в направлении цели, и преодолевая внутренние препятствия в виде желаний.

Это возможное определение, но в нем совершена подмена: части этого высказывания переставлены местами. Высказывание

ученого должно быть не только точным, но еще и строгим, что означает, что он следит не только за соответствием сказанного действительности, но и за соблюдением законов речи, языка, то есть рассуждения.

Если мы хотим рассуждать строго, то, поставив «волю» на первое место, мы сделали ее тем, что определяем в последующем высказывании. Поставь автор ее в конце, и вместо определения был бы заключен договор о том, как называть описанное явление.

И вот вопрос: в данном случае действительно имеет место определение, или же нам подсовывается грамматическая формула, выглядящая как определение? Иначе говоря, автор действительно знает, что такое воля, или же он просто высказывает свое предпочтение?

Однозначное определение предполагает прямое описание определяемого предмета. Я вижу перед собой стол и описываю его: стол — это деревянное сооружение из крышки и четырех ножек. Любой человек может проверить и уточнить. И довольно быстро усложнит мое определение: стол — это сооружение из столешницы на ножках, которых может быть от одной до четырех и даже более, если столешница очень большая.

Это определение потребует дополнительного определения понятия «столешница», но оно тоже будет наглядно и общепонятно.

Когда психолог определяет волю, он ее не только не видит, но даже точно знает, что существует несколько иных определений. И все же он навязывает свое определение. Это не научно.

Научно было бы договориться о терминах. Взять и предложить:

Способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия (т.е. свои непосредственные желания и стремления) — мы будем называть ВОЛЕЙ.

И тогда мы из вечного спора о том, кто умней и главней в психологии, перешли бы к разговору о ее предмете. Точнее,

о предмете психологии воли, и наш ум непроизвольно думал бы не о том, что такое воля, а о том, что это за свойство или способность человека — действовать в направлении сознательно поставленной цели. И что это за внутренние препятствия при этом встречаются, потому что сомневаться в наличии такой способности и различных препятствий нельзя!

А отсюда пришел бы к вопросу, что же во мне есть такое, что позволяет эти препятствия преодолевать.

И, быть может, это оказалось бы совсем не волей...

Однако психологи почему-то не умеют так исследовать. Им надо создавать ощущение у читателей, что дяденька или тетенька-психолог действительно умнее других и сейчас всех научит. Поэтому психологи наперегонки стремятся насаждать свои определения воли, даже несмотря на то, что они противоречат друг другу.

Вот на примере краткой выборки из принятых сейчас учебников психологии и общедоступных психологических словарей, что творится в психологии воли.

Н. С. Ефимова (2011) *«Воля — это способность человека сознательно управлять своим поведением, мобилизовать все силы для достижения поставленных целей»* (с. 157).

При всей широте взглядов, способность управлять поведением не есть способность действовать в направлении избранной цели.

В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская: *«Воля как способность человека к самодетерминации и саморегуляции... Воля является психической функцией... Воля представляет собой, безусловно, высший уровень регуляции психики по отношению к уровням мотивации, эмоций и внимания»* (с. 240-41).

Человек, который написал эти строки, плохо знает, что такое внимание. К тому же я плохо знаю, что такое самодетерминация и саморегуляция, и не уверен, что одинаково с авторами понимаю психику и эмоции...

Спасибо В. П. Красниковой, которая разъяснила: *«Воля — сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности»*

и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей на пути осуществления целей... Воля имеет условно-рефлекторную природу. При осуществлении волевых действий важную роль выполняют лобные доли мозга, в которых и происходит сличение достигнутого результата с предварительно составленной программой» (с. 72-3).

То есть воля — это набор условных рефлексов, которые при этом отражают некий механизм, встроенный в лобные доли мозга. Именно этот механизм и решает, проявлять мне силу воли, когда я избираю за что-нибудь сражаться или уступить... То есть кто-то в моих мозгах знает, что для меня ценно, а что не стоит усилий. Любопытно, как можно ввести эти знания в условно-рефлекторную программу, чтобы я этого не заметил?

И не менее любопытно, как рефлекторные теории воли сочетаются в мозгах самих психологов с определениями воли, как сознательной регуляции. Хотя бы вот с такими:

«Воля есть сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, связанное с преодолением внутренних и внешних препятствий. Воля — способность к планомерной организованной деятельности, направленной на достижение сознательных целей» (Столяренко, Самыгин, с. 65).

В действительности, сочетаются запросто, и в современных учебниках психологии встречаются определения, которые объявляют волю рефлекторным уровнем сознательного регулирования.

Смешались в кучу кони, люди и залпы тысячи орудий...

Примерно такое состояние умов наших психологов можно обнаружить даже у самых осторожных из них, кто все-таки дал себе труд хоть как-то обобщить наработанное предшественниками. Так, к примеру, неувядающий Роберт С. Немов просто избегает давать прямое определение воли и передает то, что сказали другие умы. Поэтому, что такое воля, из его труда понять можно, лишь выведя самостоятельно из множества намеков:

«Один из существенных признаков волевого акта заключается в том, что он всегда связан с приложением усилий, принятием решений и их реализацией» (Немов, с. 425).

«Воля предполагает самоограничение, сдерживание некоторых достаточно сильных влечений, сознательное подчинение их другим, более значимым и важным целям, умение подавлять непосредственно возникающие в данной ситуации желания и импульсы...

Еще один признак волевого характера действия или деятельности, регулируемой волей, — это наличие продуманного плана их осуществления. Действие, не имеющее плана или не выполняемое по заранее намеченному плану, нельзя считать волевым...

Нередко усилия воли направляются человеком не столько на то, чтобы победить и овладеть обстоятельствами, сколько на то, чтобы преодолеть самого себя» (т. ж., с.426).

В общем, теория воли в современной нашей психологии, похоже, — большая понятийная свалка, где можно найти все, что угодно. При этом учебники наши, как и словари, вынуждены с умным видом «давать определения», очевидно, оставляя исследования тем, кто не виден за их фасадом.

И все же основными понятиями, правящими в нашем психологическом сообществе, являются два следующих, которые можно вывести из понятия «волевой», помещенного в словаре Т. В. Милаевой «Черты характера от А до Я»:

«Волевой.... 1) способный осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели, сознательно стремящийся к осуществлению задуманного; 2) сознательно регулирующий поведение, деятельность, преодолевающий внутренние и внешние препятствия, способный отказаться от чего-то существенного для себя» (с. 52).

Что мы в действительности имеем в этих определениях? Два совершенно разных предмета, исходящих из разных значений русского слова «воля». Либо воля — это свобода, откуда

и психологическое понятие произвольности, то есть способности самому осуществлять свои желания и задумки, либо воля — это некий источник силы, включающийся тогда, когда обычного запаса внутренних сил не хватает.

Вторая воля, в действительности, возможно, и не русское слово исходно. Она, на мой взгляд, лишь по созвучию и языковедческой безграмотности психологов слилась для них с русской волей. Иными словами, оба определения могут быть верными, но относящимися к совсем разным вещам.

Но это надо еще исследовать.

Глава 3. Воля советской психологии (ранний период)

Все, что сегодня говорит о воле новая русская психология, так или иначе, заимствовано из советского времени. Ничего нового наши современные психологи о воле сказать пока не смогли. Достаточно почитать статью «Воля» в «Кратком психологическом словаре» Карпенко, чтобы почувствовать, что мы все еще в атмосфере восьмидесятых:

«Воля — сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей при достижении цели; созданные субъектом дополнительные побуждения к внешним или внутренним действиям, обладающим недостаточной мотивацией.

Воля возникла и формируется в процессе трудовой деятельности при овладении человеком законами природы и ее изменении...».

Последнее утверждение, конечно, потрясает, но я пока не хочу углубляться ни в бредовые измышления, ни в профессиональные исследования воли, которых в советское время было немало. Более того, мы должны отдать должное нашей науке: в двадцатом веке зарубежная психология перестала изучать

волю, и только отечественная наука сохраняла этот предмет. Как могла...

Конечно, мы можем считать, вслед за некоторыми исследователями, вроде В. А. Иванникова, что «воля» — это искусственное понятие, введенное условно для обозначения некой еще не понятой действительности, и поэтому собственно никакой воли не существует. И тогда станет понятно, что воля возникла и формируется не в истории человечества, а в процессе трудовой деятельности психологов, пытающихся дать хоть какие-то имена тому, что не понимают.

Этим вполне можно было бы объяснить потерю интереса к воле зарубежных исследователей. Однако личный опыт каждого человека свидетельствует: нечто, что мы сейчас связываем с волей, и особенно, с силой воли, определенно есть, и его надо изучать. Быть может, даже под другим именем.

Поэтому я намерен слой за слоем описать то, что понималось под волей нашими психологами. И если речь идет о советской психологии, то ее надо разделить на несколько этапов. Наши историки психологии в качестве исходной работы, в которой ставятся начальные подходы к этому предмету в советское время, чаще всего называют работу С. Л. Рубинштейна «Основы психологии» 1935 года.

Историки школы Выготского, правда, считают, что изучение воли было начато Выготским и Лурией:

«Л. С. Выготский и Л. Р. Лурия рассматривали волю как овладение собственным поведением, которое становится возможным благодаря изобретению и употреблению знаков — искусственных «средств поведения»» (Психологический словарь под ред. Зинченко, 1997).

В действительности, и Лурия, и Выготский начинали в школе Корнилова, которая была чистой реактологией. Впоследствии и сам К. Корнилов заговорит о воле, и все его ученики признают ее. Но в бытность реактологами никто из них волю не признавал. Ее нет в «Учебнике психологии» самого Корнилова (1926-1929), нет во «Введении в психологию»

Н. Ф. Добрынина (1929), и нет у обогнавшего их всех по времени Выготского в его «Педагогической психологии» (1926).

И что бы он впоследствии ни говорил о «средствах поведения», исходно его «формула поведения» никакой воли не предполагает:

«Таким образом, вся формула поведения человека, в основу которой ляжет формула поведения животного, дополненная новыми членами, примет такой вид: 1) наследственные реакции, плюс 2) наследственные реакции, помноженные на личный опыт (условные рефлексы), плюс 3) исторический опыт, плюс 4) социальный опыт, плюс 5) удвоенный опыт (сознание)» (Выготский, Педагогическая психология, с. 42).

Из всей тогдашней команды Корнилова лишь Сергей Васильевич Кравков, человек неординарный и всегда выпадавший из строя, в «Очерке психологии», написанном в 1925 году, посвятит воле отдельную главу. Кравков писал и о запрещенном самонаблюдении. И, очевидно, получал изрядно за свои выходы, потому что в тридцатых ушел из психологии и перешел в физиологию оптики. И там преуспел, став академиком...

Похоже, отряд психологов не заметил потери бойца, то есть потери самого неожиданного из исследователей...

Кравков давал в своем очерке теорию рефлексов и инстинктов. Он даже вводил различие между состояниями хотения, желания, влечения и потребности, что после него было уже недоступно никому из сочинителей учебников психологии. При этом его взгляды на психофизиологические аксиомы были весьма неожиданными:

«Инстинкты же суть влечения, то есть специфические волевые состояния. Психологическая истинность волюнтаризма должна быть потому признана бесспорной» (Кравков, с. 147).

Думаю, мысли Кравкова еще дождутся своего исследователя. Однако пути нашей психологии пролегли иначе, и он постарался сам забыть о своих мыслях. Поэтому главной работой той поры, посвященной воле, можно считать «Лекции

по психологии», написанные Выготским в 1932 году. Шестая лекция называлась «Проблема воли и ее развитие в детском возрасте».

За год до этого в выпущенном им совместно с Б. Е. Варшавой «Психологическом словаре» воле давалось такое несколько невнятное определение:

«Воля — овладение и управление собственным поведением, целесообразно направленная деятельность. Внешне воля проявляется в мускульной регуляции (управлении), внутренне в регуляции внимания, мысли... Физиологически воля ограничивается влиянием на поперечно-полосатую (скелетную) мускулатуру (кроме сердца)».

Откуда Лев Семенович извлекал все подобные перлы, уму непостижимо! К счастью, взгляды его менялись.

В самом кратком виде, как считается, волю в «Лекциях по психологии» он начинает понимать как то, что определяет наши выборы. В шестой главе он постарался дать очерк истории психологии воли, начиная от Эббингауза, Гербарта и Вундта. Как он смог понять, что они, говоря о Will, говорят о воле, а не о желании, я не знаю. Но то, что он об этом задумывался, бесспорно, потому что в том же определении «Психологического словаря» есть такая фраза:

«Степени осознания воли: влечение, желание, хотение».

Это высказывание не уточняется, но очевидно, что все ранние исследователи воли подозревали, что называют этим именем простые человеческие желания. Однако текст Выготского позволяет сделать вывод, что и для него вопрос о воле сводился к пониманию воли не как желания, а как свободы, что отразилось в понятии произвольности:

«Теперь попытаемся сделать вывод из этого рассмотрения и определить, над какими основными трудностями в решении проблемы воли бьются все современные исследователи, к каким бы направлениям они ни принадлежали...»

Основная трудность, основная загадка в том, чтобы, с одной стороны, объяснить детерминированный, каузальный,

обусловленный ход волевого процесса, дать научное понятие этого процесса... применяя такой научный подход к объяснению волевого процесса, сохранить воле то, что ей присуще, именно то, что принято называть произвольностью волевого акта, то есть то, что делает детерминированное, каузальное, обусловленное действие человека в известных обстоятельствах свободным действием» (Выготский, Лекции, с. 823-4).

Немалый прогресс от полного реактолога до сторонника воли как внутренней свободы человека...

Как я уже показывал, последователи предпочли вычитать из этой главы, что основой воли для Выготского являлся выбор.

Глава 4. Утверждение советской психологии воли

Несмотря на то, что Выготский сумел преодолеть влияние реактологии Корнилова, в рамках которой начинал свою психологическую деятельность в бытность свою в Институте экспериментальной психологии, созданном Григорием Ивановичем Челпановым, все же его влияние на советскую психологическую науку оказалось минимальным.

Вскоре после его смерти в 1934 году он был подвергнут идеологической критике за участие в продвижении в Советский Союз американской педагогической психологии — педологии. Ученики его попрытались, а ссылки на него стали нежелательными.

Поэтому роль основателя советской психологии внимания перешла к Сергею Леонидовичу Рубинштейну. В 1935 году он посвящает воле XV-ю главу «Основ психологии», через пять лет выросшую в главный учебник Союза — «Основы общей психологии», который заслужит сталинскую премию.

Однако, приобретя в монументальности, сочинение Рубинштейна утратило кое-что важное, что было началом разговора

о воле. Самую суть спора, который вели наши психологи со своими предшественниками, самую философскую основу всей теории воли:

«Поскольку воля предполагает сознательное регулирование действий, это как будто дух, управляющий материей; поскольку воля исходит из целей, она как будто телеология, господствующая над причинностью; поскольку воля, наконец, направляет течение психических процессов, она как будто сила, отличная от всего содержания психики и извне управляющая ею» (Рубинштейн, Основы психологии, с. 434).

Вот то исходное описание воли, которое советская психология получила в наследство от до основания разрушенной прежней России, и которое ни в коем случае нельзя было впускать в умы наших граждан, чтобы не было даже малейшей возможности возврата к прошлому способу думать и видеть мир.

И вся советская психология воли была битвой против этого понятия. Вот только после Рубинштейна никто из его последователей это основание больше не поминает. Да и он сам осознал свою ошибку и присоединился к заговору молчания. После него будет вестись постоянный спор с неназванным противником, но если мы хотим понимать, с чем же спорят психологи, этот кусок из первой книги Рубинштейна надо держать перед глазами, и все станет на свои места.

Сам Рубинштейн будет говорить и о развитии воли, и о выработке сильной воли, но во всех своих работах он будет избегать простого определения воли. Как философ по исходному образованию, он не мог не понимать, что без названного им исходного философского уровня психология воли никогда не поднимется до состояния подлинной науки. Никакое определение невозможно, если не учитывать того, что вкладывалось в понятие воли мыслителями прошлого.

Включаясь в борьбу против старого мировоззрения, он громит как философское понимание воли, так и противостоящий ему механицизм, который пытался увидеть человека машиной. Поэтому уже в тридцать пятом году он придумает выход, он не

говорит собственно о воле, он говорит о «волевом действии» или «волевом акте».

«Задача научного психологического исследования будет, очевидно, заключаться в том, чтобы в противовес как одной, так и другой точке зрения выявить качественную специфику человеческой волевой деятельности, показав при этом, что она является историческим продуктом, возникшим в генетической связи с более элементарными видами рефлекторной, инстинктивной деятельности...»

Волевое действие человека включает в себя импульсивность влечений, как подчиненных, лишившихся самостоятельности моментов, придающих деятельности известный тонус: система условных рефлексов, автоматизмов и навыков обычно включается в состав его; но все его качественное своеобразие определяется не ими» (т. ж.).

Косвенно становится очевидно, что советская психология все же должна была рассматривать человека как рефлекторный автомат, но не так примитивно, как это делала реактология Корнилова. Качественное своеобразие определялось просто:

«Волевое действие — это акт, в котором сознательная цель как закон определяет способ и характер действия» (т. ж., с. 437).

Именно после Рубинштейна наши психологи стали с легкостью совмещать в одних предложениях рефлекторно-инстинктивное поведение с сознательностью действий. Сам Рубинштейн, потрясенный своей смелостью, до конца жизни писал о сознании, пытаясь увидеть его не так, как марксизм, и смог подняться над этим уровнем в поздних работах, вроде «Бытие и сознание». Но даже там он не в силах посмеяться над глупостью, заключенной в высказывании: сознание есть осознанное бытие...

В сущности, его работа тридцать пятого года заявляла и одновременно разрушала рефлекторное понимание человека:

«Для того чтобы действие было — как это имеет место в волевом акте — выполнением решения, необходимым условием является возможность его регулирования. Волевой акт

предполагает подчинение импульсов сознательному контролю, регулирование своих действий, овладение своим поведением.

Итак, в волевом акте 1) идеальное представление о действии представляет реальное действие; 2) решение предшествует выполнению; 3) регулирование господствует над импульсивностью» (т. ж., с. 438).

В сущности, это было описание того предмета, который хотела бы изучать наша психология. Оставалось только добавить: *именно это я буду называть волей.* Но тогда воля могла бы появиться как некий деятель, который создает идеальные представления, принимает решения и господствует над импульсивностью, то есть порывистостью души. Это было недопустимо, и Рубинштейн ищет любые замены, которые и будут деятелями в волевых действиях.

«Волевые действия не менее детерминированы и закономерны, чем произвольные — импульсивные, инстинктивные, рефлекторные движения; но только закономерность и детерминированность их иная. Из непосредственной она становится опосредованной.

Волевое действие опосредствуется через сознание личности. Заодно с изменением отношения действия к окружающей действительности изменяется и отношение его к личности, от которой оно исходит... В отличие от импульсивного действия, которое как бы проходит через человека и вырывается у него, волевой акт исходит от человека и направляется им. «Воля — это участие целостной личности в мотивации каждого отдельного акта» (Гильом)» (т. ж., с. 439).

Нет воли, есть личность, которая направляет все волевые действия, проявляя силу. Какую? Возможно, как раз силу воли, если мы захотим использовать это слово. Во всяком случае, сам Рубинштейн не смог полностью отказаться от этого слова и всегда оставался двойственным.

Его глава XV «Волевые процессы» в «Основах общей психологии» начинается не с воли, а с волевых процессов и волевых компонентов психики, но уже во втором абзаце воля проникает в сознание исследователя:

«Зачатки воли заключаются уже в потребностях, как исходных побуждений человека к действию» (Рубинштейн. Основы общей психологии, с. 428).

В этой работе Рубинштейн снова избегает прямого определения, зато дает косвенное, когда описывает свое понимание воли через влечение к предметам потребностей:

«Возникновение волевого действия предполагает прежде всего установление между ними осознанной связи. Субъективное выражение потребности, ее отражение в психике должно стать осознанным и предметным — влечение должно перейти в желание. Это «опредмечивание» является необходимой предпосылкой волевой деятельности.

Лишь тогда, когда осознан предмет, на который направляется влечение, и субъективное выражение потребности становится осознанным и предметным желанием, направленным на определенных объект, человек знает, чего он хочет, и может на осознанной основе организовать свое действие» (т. ж.).

Волевое действие — это действие, совершаемое, когда человек знает, **ЧЕГО ОН ХОЧЕТ!**

Если мы вдумаемся, то волей в данном случае оказываются упущенные психологией желания, что полностью соответствует англо-германскому Will, но отнюдь не русской воле, которая есть свобода. Однако Рубинштейн вовсе не забывает об этом двойственном значении слова «воля».

«Свобода волевого акта, выражающаяся в его независимости от импульсов непосредственной ситуации, означает, что поведение человека не детерминировано прямо его непосредственным окружением, а, конечно, не то, что оно вообще не детерминировано. Волевые действия не менее детерминированы и закономерны, чем произвольные — импульсивные, инстинктивные, рефлекторные — движения...» (т. ж., с. 430).

Концовку мы уже знаем: свобода воли ограничивается сознанием личности.

И честно признаюсь, это деление психологии воли на Психологию желаний и Психологию внутренней свободы, неявно

произведенное Рубинштейном, мне кажется чрезвычайно оправданным.

Надо признать, идеи Рубинштейна произвели впечатление на его коллег, и вышедший в 1938 году учебник «Психология» (М.: Учпедгиз, 1938) под редакцией Корнилова, Теплова и Шварца во многом основывается на предложенном Рубинштейном понимании воли. Также и выпущенный Б. Тепловым в 1946 году учебник «Психология» (Теплов, Психология).

Однако затем пришел 49-й год. Рубинштейн был подвергнут травле за космополитизм, у него отобрали звания, кафедру и сталинскую премию. А затем был 50-й, год знаменитой Павловской сессии Академии наук и Академии медицинских наук, когда вся психология в трепете ожидала, что ее закроют как науку.

И психология воли, как самая опасная часть психологии, стала наукой о мотивах, целях и саморегуляции.

Глава 5. Зрелая советская воля. Иванников

Советская психология воли то ли стояла на двух китах, то ли запуталась в двух соснах: воля как самодетерминация и воля как саморегуляция. В действительности это означало, что психологи не могут решить, с чем связывать свое понятие воли — с произвольностью действий или с усилием, которое называется силой воли. Правда, была еще неослабевающая потребность доказать, что человек — это автомат, и у него есть встроенные механизмы психофизиологической регуляции, вроде рефлексов, которые и есть воля. Но эту часть науки я опушу...

Путаница в исходных понятиях и изначальная невозможность договориться, что именно исследуем, привела к тому, что советская психология воли стала настолько большой кучей понятийного мусора, что сами ученые потеряли возможность использовать накопленные знания как инструмент.

Поэтому в девяностые годы появляются исследования, сомневающиеся в оправданности всей психологии воли.

В частности начало подобным сомнениям было положено вполне авторитетным психологом, академиком Вячеславом Андреевичем Иванниковым. Первые работы, посвященные воле, они издаёт еще в начале восьмидесятых, а в конце девяностых выпускает учебное пособие «Психологические механизмы волевой регуляции» где подводит итоги всем усилиям психологического сообщества.

В Предисловии ко второму изданию 1998-го года он заявляет необходимость методологического пересмотра науки о воле:

«Не только студенты, но и многие исследователи забыли, что некоторые понятия вводились в психологию не как обозначения каких-то психических реальностей, а как теоретические конструкты, призванные объяснить психические явления или поведение живых существ. Даже само понятие психики является не более чем теоретическим допущением, предназначенным объяснить, почему мы видим, слышим, ощущаем горькое, помним, что с нами происходило, или выбираем нужное решение» (Иванников, с. 4).

Иногда, как пишет Иванников, объяснительные понятия приобретают новое содержание и становятся обозначением какой-нибудь реальности, как это произошло с понятием атома, которое вводилось именно как теоретический конструкт, обозначавший гипотетическую мельчайшую и неделимую частицу.

«Но, к сожалению, нередко случается, что объяснительное понятие начинает жить новой жизнью, выдавая себя за обозначение какой-то реальности, природа которой остается невыясненной, и тогда многие, если не все, оказываются уверенными, что термин “потребность” означает какую-то реальность, что воля как психическая реальность существует...» (т. ж.).

Приданию неким условным понятиям значения действительных явлений называется гипостазированием. Естествознание начало свое триумфальное шествие по умам с того, что разрушило несколько гипостазированных понятий, на которых

строилось религиозное мировоззрение. Взамен оно обещало описать действительный мир, но на деле создало свою, условно говоря, мифологию из гипостазированных понятий.

Такими гипостазированными понятиями стали рефлекс, инстинкт, организм, психика. Все они имеют под собой некую действительность, но сами по себе значительно выходят за рамки того явления, которое обозначают. И психика, и организм в действительности должны быть всего лишь работой мозга и телом, но тогда не удастся объяснить многих явлений, которые раньше связывались с душой и духом.

Однако душа и дух в рамках научного символа веры должны быть изгнаны, даже несмотря на то, что подают признаки жизни. И вот вводятся понятия, которые шире, чем должны бы быть, если бы соответствовали своему предмету, но зато таким образом внутрь психофизиологии незаметно вводятся и дух, и душевные явления, и в итоге наука эта умудряется сохранить хоть какую-то целостность, хотя давно должна бы просто развалиться.

Вот так же Иванников подозревает, что и понятие «воля» было искусственно создано однажды психологами, чтобы можно было говорить о чем-то, что являет себя в некоторых особенностях человека, но неуловимо. Его описание современной психологии воли весьма точно отражает то, что я постарался показать в начальном обзоре учебников психологии.

«Место понятия, занимавшего длительное время центральное место в психологических концепциях, в настоящее время весьма неопределенно, впрочем, как и само содержание этого понятия. Среди исследователей нет единства в определении воли и связанных с нею понятий волевого действия, волевой регуляции, волевого усилия, отсутствует единство в выделении реальности, которая обозначается термином “воля”...» (т. ж., с. 9).

Это свидетельство человека, посвятившего свою научную жизнь психологии воли и ставшего одним из авторитетнейших специалистов в этой отрасли. Могу лишь поддержать

его своим опытом прикладного психолога: действительно, использовать наши учебники психологии для работы с волей или силой воли невозможно. Они не дают объяснительной базы, делающей прикладную работу возможной.

В отношении воли наша естественнонаучная психология, отрицая психологию «идеалистическую», все же придерживалась того деления, что ввел еще Аристотель, рассматривавший внутреннюю жизнь человека состоящей из трех частей: разума, чувств и воли. Точнее, из разума, чувств и того, что в русских переводах было принято понимать как волю. Как пишет тот же Иванников:

«Поскольку два других основных понятия античной науки о душе — разум и чувство — претерпели значительную дифференциацию, породив множество самостоятельных понятий, объединенных в современной психологии в систему познавательных и эмоциональных процессов, можно было бы ожидать, что такое же расщепление на несколько самостоятельных понятий произойдет и с понятием “воля”» (т. ж., с. 10).

Судя по тому, что психологи воли в действительности разделены на несколько спорящих между собой лагерей, это разделение понятия воли уже не только назрело, но в действительности уже обосновано и теоретически, и на исследовательском материале. И не признается, на мой взгляд, лишь потому, что никто не понимает, чем саморегуляция отличается от самодетерминации.

И даже если эта моя шутка может вызвать возмущение со стороны обоих лагерей, все же остаются бесспорными слова Иванникова, которыми он заключает проделанное исследование:

«Заметим, что стремление увидеть за волевыми качествами человека особое образование — волю — пока не подкреплено какими-либо существенными доказательствами. Наоборот, имеется множество фактов,

свидетельствующих о самостоятельности каждого волевого качества и независимости их формирования друг от друга» (т. ж., с. 135).

Безусловно, взгляды Вячеслава Андреевича Иванникова не были приняты однозначно психологами воли. Евгений Павлович Ильин, издавший свою «Психологию воли» буквально вслед за Иванниковым, можно сказать, возмущается тем, что Иванников отказал воле в действительности. Однако излагаемые им взгляды научных школ лишь подтверждают это методологическое сомнение.

В этом споре главным надо признать то, что одна ли реальность скрывается под именем «воли» или несколько, но нечто действительное там есть. И оно чрезвычайно важно в жизни и желанно в личном развитии человека.

Поэтому, признав общее состояние дел в теоретической психологии воли неудовлетворительным, надо все же отдать должное нашим психологам, которые за годы советской власти проделали огромный труд не только в теории воли, но и во множестве прикладных исследований. Именно там, где описываются примеры из жизни и живые исследования, скрываются настоящие знания того, что прячется под именем, искусственно созданным психологами из старого русского слова «воля».

Часть вторая.

**СТАРАЯ РУССКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ ВОЛИ**

Понятие воли естественно существовало в русском языке издревле. Причем, в народном языке в значении свободы, а в христианском, с очевидной зависимостью от греческих корней, в значении власти и веления. В научный оборот это второе значение с середины XVIII столетия вводилось с отсылкой к латыни.

В частности, в 1752 году появляется оно в философском словаре, составленном В. Тредиаковским к его «Слову о мудрости, благоразумии и добродетели» с латинским и французским соответствием: «*Воля действительности — voluntas efficaciae — volonte effective*» (Словарь Тредиаковского, с. 380).

В конце восемнадцатого века Александр Радищев, говоря о бессмертии и силах души, использует понятие воли в совершенно современном, хотя и не самом общепринятом смысле. Радищев, рассматривая волю как одну из душевных сил, определяет ее как способность управлять мыслями с помощью внимания. Это полноценное начало психологии воли.

Затем зародившаяся наука была подхвачена читавшими курсы психологии профессорами наших Духовных Академий, начиная с Куницына и Александра Галича, и лишь во второй половине девятнадцатого века перешла к собственно психологам. Но это еще были те психологи, для которых душа существовала.

Вот об этой психологии воли я бы и хотел рассказать как одной из составляющих нашей философской антропологии.

Раздел Первый. Философская антропология воли XVIII столетия

Считается, что в восемнадцатом веке наша философия полностью вторична и является попыткой переосмыслить и перенести на русскую почву европейскую философию. Надо признать, однако, что и немецкая философия в это время еще не сложилась. Лейбниц предпочитает писать на латыни или французском, который считает языком философии. И лишь усилиями Христиана Вольфа зарождается систематический курс немецкой школьной философии.

Наши философы в начале века выказывают явную зависимость от европейской схоластики. Это идет от Киево-могилянской академии, которая всегда тяготела к схоластическому образованию и передала эту страсть Славяно-греко-латинской академии времен братьев Лихудов. Поэтому наши первые философы, вроде Феофилакта Лопатинского, постоянно дают в текстах своих сочинений переводы латинских терминов.

Правда, во второй половине восемнадцатого века начинает возобладать влияние французских материалистов. А в психологии проявляется сильное влияние Вольфа. Тем не менее, идет поиск, идет попытка понять главное: если немецкий язык, усилиями германских литераторов и философов, смог стать философическим, возможно ли это для русского языка?

К сожалению, сами наши философы, возвращенные как птенцы гнезда Петрова, слишком сильно нацелены на задачу прорубать окно в Европу, то есть нести европейскую эрудицию в русские умы. Поэтому они больше ищут хоть какие-то соответствия латинским терминам европейской философии, чем пытаются разобраться в скрывающихся за этими терминами понятиях...

Все это полностью применимо и к понятию воли.

Содержание

Рецензия на рукопись монографии А.Шевцова «Очерк русской философской антропологии воли». <i>Проф. Грякалов А.</i>	3
--	---

Введение	7
----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВОЛИ

Глава 1. Итак, мы вступили в сферу американского влияния.....	11
Глава 2. Воля новой русской психологии	15
Глава 3. Воля советской психологии (ранний период)	20
Глава 4. Утверждение советской психологии воли	24
Глава 5. Зрелая советская воля. Иванников	29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТАРАЯ РУССКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВОЛИ

Раздел Первый.

Философская антропология воли XVIII столетия	36
Глава 1. Начало русской философии воли. Лопатинский и Третьяковский	37
Глава 2. Воля — способность души желать. Козельский.....	41
Глава 3. Жил-был царь, вольный человек. Левшин.....	44
Глава 4. Что бы была то за воля!?.....	48
Глава 5. Жить бестелесно. Александр Радищев	53
Глава 6. Разумное желание или воля. Кандорский	58
Глава 7. Насилование воли. Лопухин	66

Раздел второй. Деятнадцатый век	71
Глава 1. Покой и воля. Куницын	72
Глава 2. Антропология воли. Галич	79

Глава 3. Состав воли	83
Глава 4. Условия воли	86
Глава 5. Умозрительная психология. Голубинский	90
Глава 6. Сила воли душевной. Авсенёв	94
Глава 7. Круг способностей желательных. Зубовский	99
Глава 8. Основания души. Автократов	103
Глава 9. Об основании самосознания воли	108
Глава 10. Опытная психология воли. Чистович	112
Глава 11. Педагогическая антропология. Ушинский	118
Глава 12. Феноменология воли	122
Глава 13. Феноменология воли. Продолжение	127
Глава 14. Воспитание воли	131
Глава 15. Произвольная деятельность души. Кавелин	136
Глава 16. Владимир Соловьёв. Стремление к благу	139
Глава 17. Живая философия	143
Глава 18. Воление и волящий субъект	147
Глава 19. Положительная воля	153
Глава 20. Свобода воли	156
Глава 21. Воля как желания и хотения. Михаил Владиславлев	163
Глава 22. Феноменология желаний	167
Глава 23. Желания и хотения	170
Глава 24. Влечения	175
Глава 25. Наклонности	180
Глава 26. Стремления	184
Глава 27. Страсти	187
Глава 28. Биологизаторы воли. Каптерев, Ланге, Нечаев	190
Глава 29. Оправдание воли. Грот	194
Глава 30. Воля есть деятельность. Бугаев	200
Глава 31. Деятельная сила. Астафьев	205
Глава 32. Власть и перенос силы. Снегирев	208
Раздел третий. Начало двадцатого века	213
Глава 1. Предреволюционная психология. Челпанов	214
Глава 2. Психология в школе. Адамов	218
Глава 3. Развитие сильной воли. Соколов	223
Глава 4. Упражнение воли	227

Глава 5. Психология без души. Нечаев, Городенский, Выготский	232
Глава 6. Психология детства. Зеньковский	235
Заключение	240

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ВОЛИ

Глава 1. Европейская философия	248
Глава 2. Библейский человек и его душа	251
Глава 3. Платонические Начала человеческой души	254
Глава 4. Части души по Аристотелю	260
Глава 5. Воля — сила или способность?	265
Глава 6. Воля у Платона	269
Глава 7. Воля у Аристотеля	273
Глава 8. Воля раннего христианства	278
Глава 9. Православная воля	282
Вместо заключения. Джорджо Агамбен и философия власти	286

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РУССКАЯ ВОЛЯ

Глава 1. Этимология воли	294
Глава 2. Воля Древней Руси. Срезневский	298
Глава 3. Воля живого русского языка. Даль	302
Глава 4. Воля и свобода	304
Заключение русской воли	309

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ	314
----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель	322
Географический указатель	324
Предметный указатель	325
Список литературы	334